

УДК 070(091)

НАУЧНЫЕ КОММУНИКАЦИИ 20-х ГОДОВ XX ВЕКА: ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Ю.Б. Балашова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, 199034, Россия*

Аннотация

В статье обсуждается внешняя и внутренняя среда развития науки в 20-е годы XX в. Акцентируется, что в данный период наука, с одной стороны, сохраняла преемственность в отношении дореволюционной парадигмы, а с другой – развивалась по авангардному сценарию. Наука конституировала характерную топику эпохи. Каналы медиатизации знания включали различные институциональные и неинституциональные объединения, прессу, художественную литературу. На коротком историческом отрезке революционное переустройство общества актуализирует смену парадигм и «проекты будущего». В долгосрочной перспективе успехи многих отраслей советской науки (не только космонавтики, но и на определённом этапе одной из наиболее авторитетных в мире советской филологической школы) обеспечивались как поддержкой государства, так и специфическим действием механизмов научной преемственности.

Ключевые слова: научные коммуникации, история научно-популярной журналистики и научных обществ, наука и общество

После революции 1917 г. во многих сферах общественной жизни внешне парадоксальным образом продолжала действовать культурная преемственность. Модернистские тенденции отчётливо сохранялись примерно до середины 20-х годов XX в., что определялось мощнейшим потенциалом культуры века. При этом научная преемственность эксплицитно проявляла себя в советское время на протяжении более длительного периода, чем культурная или институциональная. Кардинальная смена научной парадигмы происходит только после Второй мировой войны, а наука в СССР в 20–30-е годы развивалась под непосредственным влиянием прорывной, передовой науки рубежа XIX – XX вв. Такого рода специфическая преемственность (имевшая место, несмотря на массовый отъезд среднего звена научных кадров – приват-доцентуры, в основном удачно устроившейся на Западе) объясняется, на наш взгляд, тремя основными факторами.

Во-первых, в молодом Советском государстве поначалу отсутствовала собственная научная политика, и, как и в случае построения других государственных институтов (например, цензурного органа), за основу была взята модель, действовавшая в Российской империи. Официальная наука под эгидой Академии наук довольно быстро стала сотрудничать с большевиками (как и Русская

православная церковь, несмотря на церковный раскол). Так, в 1919 г. вице-президентом Академии наук стал крупнейший русский математик В.А. Стеклов (воспитанный в среде с демократическими традициями), и во многом благодаря его усилиям произошла реорганизация Императорской Академии наук в Академию наук СССР. Крупные учёные с мировым именем связывали с революцией общий процесс демократизации общественных отношений и налаживание взаимодействия науки и общества. В этой связи симптоматична история знаменитого естествоиспытателя К.А. Тимирязева. В мемуарной прозе Андрея Белого содержится его характеристика как истинного человека модерна: «Не учёный меня умилял в нём, – утончённый культур-трэгер, умевший в каждый шаг силу чувства влагать...» [1, с. 432]. Тем не менее К.А. Тимирязев не просто принимает новый режим, но и активно его поддерживает. В 1920 г. выходит сборник статей под редакцией К.А. Тимирязева под знаковым заглавием: «Наука и демократия». В краткой преамбуле К.А. Тимирязев прямо отождествляет «научную истину» и «социалистическую правду»: «...Эти страницы, связанные общим стремлением к научной истине и к этической, общественно-этической, социалистической правде» (Т, с. 5). В сборнике содержатся рассуждения Тимирязева о популяризации как таковой: «Роль популяризации в науке, можно сказать, была вполне сознана только великими учёными середины прошлого века (Фарадей... Дарвин... и др.). Значение популяризации растёт с ростом демократии» (Т, с. 11–12). Вклад популярных работ самого Тимирязева принято оценивать следующим образом: «В России Климент Аркадьевич Тимирязев был первым большим учёным, который доказал, что можно результаты своих исследований излагать таким образом, чтобы они были понятны не только специалистам, но и всем без исключения грамотным людям. Он первым проторил тропу, по которой затем пошли многие замечательные учёные. Без “Жизни растений” и других известных книг Тимирязева, вероятно, не появились бы и книги таких учёных, как А.Е. Ферсман, В.А. Обручев и других, книги, ставшие классикой научной популяризации» [2, с. 126].

Революция открывала социальные лифты для талантливых представителей социальных низов, народных самоучек. «Отец русской космонавтики» К.Э. Циолковский до революции имел определённые трудности с признанием и опубликованием своих научных работ, казавшихся утопическими. В СССР, хотя и не сразу, его работы начали считаться фундаментальными. Научные прорывы и в целом нередко возникают в тех областях, которые принято считать фантастическими, маргинальными или лженаучными.

Справедливо принято считать, что матрицу социокультурной жизни общества образуют различные институциональные и неинституциональные объединения (на русской почве в основном – кружкового типа). После революции, с одной стороны, продолжали действовать дореволюционные научные общества (как, например, «Русское географическое общество», «Общество любителей российской словесности»), а с другой – создавались новые сообщества авангардного плана (ср. с кружковым альманахом «Биокосмисты. Десять штук»). В обозначенной сфере также проявляется влияние модернистской культуры с её культуром профессиональной и творческой кооперации (базирувавшейся на идее соборности и жизнестроительства). Так, во второй половине 20-х годов XX в.

студент Дмитрий Лихачёв принимал активное участие в шутейном научном обществе «Космическая академия наук». Участники этого самообразовательного студенческого кружка в карнавальном-амбивалентных формах занимались «весёлой наукой»: делали доклады, получали соответствующие маскарадные «кафедры» («меланхолической филологии») и даже послали адресованную «академии» поздравительную телеграмму от имени папы римского [3, с. 136–140]. Примечательно, что карнавальным элементом как отголоском «русского культурного Ренессанса», образовавшегося вследствие гибридизации с новыми социальными реалиями в высшей степени оригинальную культурную среду 20-х годов, превалировал над компенсаторной и просветительской функцией подобных сообществ. Столетием ранее студенты Московского университета – будущие «архивные юноши» – создали кружок, один из участников которого так описывает их деятельность: «...Бывали у нас вечерние беседы, продолжавшиеся далеко за полночь, и они оказывались для нас много плодотворнее всех уроков, которые мы брали у профессоров. <...> Этим беседам мы обязаны весьма многим как в научном, так и в нравственном отношении» [4, с. 131–132]. Что касается «Космической академии», то следствием подобного карнавала стал арест «академиков» в феврале 1928 г. Первая научная работа политзаключённого Лихачёва о картёжных играх уголовников, как известно, была напечатана в 1930 г. в журнале «Соловецкие острова». Примечательно, что в Соловецком лагере особого назначения на рубеже 20–30-х годов действовали литературный и театральный кружок, выпускалась серия лагерных журналов и существовало научное общество.

С середины 20-х годов отчётливо проявляется действие единой политической тенденции. Вследствие унификации различных сторон общественной жизни происходит разделение как культурного, так и научного процесса на два основных потока: официальный и неофициальный, причём последний оказался эксплицирован только в период «оттепели». Под запретом оказались целые отрасли знания (как генетика) и направления (формализм). В мемуарно-философской книге Г.С. Померанца «Записки гадкого утёнка» блестяще описано, сколь интеллектуальная среда встречалась в лагерях и насколько её не хватало на воле [5]. Складывается своеобразный феномен лагерных «шарашек» (конструкторские бюро тюремного типа), где конструктор ракетно-космической техники С.П. Королёв занимался ракетными установками.

На протяжении всего советского времени значимая роль в деле научного просвещения принадлежала специфическим социокультурным институтам, явившимся, в свою очередь, выразителями характерной советской установки на просвещение широкой аудитории и организацию самой науки. В начале 20-х годов в Петрограде действовали три наиболее известных центра: «Дом искусств», «Дом литераторов» и «Дом учёных», совмещающих задачу партийного контроля над интеллигенцией и устройства их быта (общежитие и пайки) с самоорганизацией и широким спектром культурно-просветительской деятельности. Функционирующий и сегодня «Дом учёных» в советское время заслужил репутацию определённой субкультурной и идеологической ниши.

Благодаря активности ведущих научных и культурных сил воспроизводилась не просто преемственность, но и связь с западной наукой. В то же время

в среднем звене научных работников начинал проявляться соответствующий разрыв. Так, «25 мая 1931 года Политбюро ЦК ВКП(б) рассматривает вопрос “О постановке производственно-технической пропаганды”. <...> Было решено, “для успешного развёртывания производственно-технической пропаганды, как устной (лекции), так и литературной, организовать... отдел производственно-технической пропаганды...”. Уже 13 августа 1931 года Н.И. Бухарин, выступая перед рабочими, подчёркивает: “Одной из самых острых задач, которая навалилась на нас со всей тяжестью, является недостаток инженерно-технического персонала, недостаток научных работников. <...> Нужно привлечь лучшие наши (и иностранные) силы, идти по линии производства первоклассной технической литературы”» [6, с. 96–97]. Если обратиться к наследию современника – Андрея Платонова, то героями его рассказов 20-х годов выступают в том числе западные технические специалисты.

Второй фактор сохранения преемственности собственно и заключался в том, что интернациональный пафос русской революции на первых порах способствовал актуализации интереса к западной культуре и науке. Симптоматична масштабная серия «Всемирная литература», созданная по инициативе А.М. Горького. «Всемирная литература» решала важнейшую задачу издания мировой классики с развёрнутыми комментариями для новой, массовой аудитории. Аналогичными по значимости явились собственно научные проекты – серии: “Academia” и «Научное наследие». Интерес к науке проявлял «Русский Берлин», где в самом начале 20-х процветала издательская деятельность, напоминающая соответствующую практику Серебряного века. Издательство «Эпоха» выпускало журнал «Беседа: Журнал литературы и науки» (1923–1925 гг.), с весьма разносторонним научным отделом, «введённым по настоянию М. Горького. <...> Именно для горьковской “веры в науку” было характерно привлечение в “Беседу” таких материалов, как “Первобытное население Европы” проф. Брауна, “Рентген” проф. О. Винера (перевод с рукописи) или “Основы современного учения о наследственности” д-ра Г. Вернера и даже “Основы радиотелефонии” проф. Гарри Шмидта. Напечатанный в “Беседе” философский этюд Л. Ульвига “Чудо в науке” отвечал в этой связи каким-то глубоким основам горьковского миропонимания. Много места в журнале уделялось истории литературы (очерки о Байроне, о Гёте, о французской, английской, немецкой и американской литературе» [7, с. 135, 136]. Во внеполитичной «Беседе» (которую тем не менее так и не пропустили в Советскую Россию) наука встраивалась в типичный для неё литературный контекст энциклопедического журнала (что подкреплялось аллюзией на классические, державинские времена).

Наконец, в-третьих, – в соответствии с идеологическими установками Советского государства – уровень развития населения требовалось приблизить к научному, поскольку марксизм трактовался как сугубо научное мировоззрение. Необходимо отметить, что на этом пути были достигнуты значительные результаты (один из первых и важнейших – успешно проведённая кампания по ликвидации неграмотности). Обозначенная установка сопровождалась активным и по-своему оригинальным развитием научных коммуникаций. На протяжении всего советского времени научно-популярная журналистика была тесно связана с советской наукой и при этом представляла собой определённую

идеологическую нишу. От тотальной идеологизации её защищало укоренившееся и во многом справедливое представление о том, что дореволюционные научно-популярные журналы служили легальным каналом распространения марксизма. Именно поэтому некоторые издатели-просветители предшествующей эпохи, как, например, П.П. Сойкин, получили возможность для более или менее беспрепятственной деятельности в 20-е годы.

Так, в «товарищеском издательстве П.П. Сойкина и И.Ф. Афанасьева» на протяжении 20-х годов выходил «Мир приключений. Иллюстрированный журнал повестей и рассказов» (Л., 1922–1930). Журнал продолжал разнообразную и многотиражную серию дореволюционных сойкинских–изданий, точнее – наследовал одноимённому ежемесячному иллюстрированному журналу «Мир приключений», выходившему в 1910–1918 гг. как приложение к центральному начинанию П.П. Сойкина – журналу «Природа и люди». Послереволюционный «Мир приключений» представлял собой типичный прозаический альманах с обилием остросюжетной переводной литературы (новинками и классикой), юмористики, игровой обратной связью с читателями (задачи, загадки, шарады, ребусы). Этот журнал-сборник самым непосредственным образом развивал классические традиции российского просветительства, неотделимые от научной популяризации. В отличие от чёткой западной системы разделения на «науку» и «искусство», в России указанные категории синкретично взаимосвязаны. В таком бренде русской журналистики, как «толстый» журнал, данные отделы нередко были объединены («Отечественные записки»), а в научно-популярной прессе культууроориентированной эпохи начала XX в. естественные науки могли трактоваться как составляющая культурного процесса (см., например, «Мир открытий. Двухнедельный популярный иллюстрированный журнал новых открытий и изобретений во всех областях техники и естествознания», выпускавшийся в Санкт-Петербурге в 1912–1913 гг.). Соответственно, просвещение и развлечение аудитории через травелог или приключенческую литературу воспринимались как составная часть формирования объёмной околонаучной картины мира.

Экспериментальный внешний контекст (политико-идеологический, социально-культурный, парадигмальный) способствовал революционному подъёму русской науки, прежде всего – в её гуманитарном аспекте. Научно-утопический колорит эпохи определял такие устремления, как поиски бессмертия для партийной элиты (нашедшие выражение в прозе М.А. Булгакова), как философия русского космизма, соединявшая естественно-научную и религиозно-философскую направленность (повлиявшая на А.П. Платонова с научно-утопической основой его художественного мира). В советское время официальный культ научно-технического прогресса призван был заместить вытесненное религиозное сознание. Власть не просто поддерживала определённые научные отрасли и направления, но склонна была в отдельных случаях относиться к крупным учёным с неким мистическим благоговением, что и спасло их от физического истребления (о чём, скажем, свидетельствует судьба П.Л. Капицы, во время опалы имевшего возможность негласно продолжать физические опыты, правда на даче, в гараже).

Об ограниченности любых умозрительных утопий, недостаточно укоренённых в традиционалистском народном духе, писал в публицистической заметке под знаковым названием «О любви» А.П. Платонов: «...Мы дадим народу взамен религии науку. Этот подарок народ не утешит. Наука в современном смысле и существует-то только 100–150 лет, религия же десятки тысяч лет. Что же сильнее и что глубже вьелось в нутро человека? Сами учёные, самые вожди науки почти все были верующими людьми. Наука ещё стоит на таком низком уровне, что не может быть руководительницей человека, силой, стоящей выше его. Жизнь пока ещё мудрее и глубже всякой мысли, стихия неизмеримо сильнее сознания, и все попытки замещения религии наукой не приведут к полной победе науки. Людям нужно другое, более высшее, более универсальное понятие, чем религия и чем наука» (П, с. 11).

В условиях традиционной для русского общества редукции конструктивного общественно-политического дискурса его устойчиво замещал литературоцентризм. Научная проблематика также способна «цементировать» публичное поле, образуя своеобразный метатекст. В этой связи в высшей степени показательна творческая эволюция М.М. Зощенко, который в начале 30-х годов стремится к формированию положительного образа, с опорой на современный научный контекст. Одна из центральных идей больших зощенковских книг смешанного жанрового состава («Возвращённая молодость», «Перед восходом солнца») состоит в артикуляции острой необходимости для человека самопознания – «контроля... для того, чтобы освободить разум и тело от низших сил...» (З, с. 688). Ключевая роль в этом процессе отводится объективному научному знанию, исследованиям современников писателя: И.П. Павлова о высшей нервной деятельности, В.М. Бехтерева о деятельности мозга. В полном соответствии с актуальным научным контекстом Зощенко публицистически формулирует и художественно доказывает, что мозг управляет энергетикой и психикой человека.

Шесть лет назад в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома» были опубликованы интереснейшие стенограммы обсуждения повести Зощенко «Возвращённая молодость». Они демонстрируют несомненный интерес научного сообщества к этой работе писателя. Академик И.П. Павлов начинает приглашать Зощенко на «среды» в Институт физиологии. Публикатор стенограмм Т.М. Вахитова пишет: «С марта по май 1934 г. было развёрнуто широкое обсуждение этой книги, как в литературных кругах, так и научных. Любопытно, что эти многочисленные дискуссии были вызваны не только интересом к творчеству знаменитого и популярного писателя, который преодолевал определённый творческий рубеж, они были инспирированы очередной идеологической кампанией, направленной на “слияние” науки и литературы. В одном из отчётов о деятельности ленинградских писателей, в котором принимали участие и учёные Академии наук, сообщалось, что “года полтора назад академик Н.Я. Марр высказал чрезвычайно важную мысль о том, что в какой-то далёкой перспективе идеология научная может слиться с идеологией художественной литературы”. Поэтому повесть М. Зощенко рекомендовалось рассматривать наряду с такими книгами, как “Люди СТЗ” (Сталинградского тракторного завода. – *Прим. редакции*)...книга о... коллективном труде писателей о Беломорско-Балтийском

канале. Однако этот контекст оказался весьма далёким от повести М.М. Зощенко, и все обсуждения проходили только в рамках медицинского дискурса» (ТСОПЗВМ, с. 829). «Научный работник» Б.В. Казанский (руководивший вместе с В.А. Кавериним научной секцией в Горкоме писателей в Ленинграде) во время одного из обсуждений очень точно обозначил связь литературы и науки: «Говоря о книге Зощенко, мне кажется, нужно было бы вообще поставить [вопрос] о той роли или о том отношении, которое вообще литература может проявлять к науке. Дело в том, что давно всем известно, что хорошие литературные произведения служили материалом для науки, что Достоевский считается прекрасным психологом в такой степени, в какой даже наука не доходила. Можно сказать, что физика гораздо лучше может объяснить строение атомного ядра, физика отвечает на вопросы, которых обыватель себе не ставит, но физика не может объяснить вопроса о том, почему имеется сахар и белок. Поэтому между жизнью и наукой большая пропасть, и литература эту пропасть заполняет. Вообще в те времена, когда наука ещё была в младенческом периоде, кто тогда отвечал на все вопросы, которые ставил человек? Литература отвечала на эти вопросы» (ТСОПЗВМ, с. 849).

В 2014 г. вышла книга об истории научной популяризации в России, написанная научным журналистом А.Г. Вагановым. Она представляет собой первую целостную попытку исторического построения, предпринятую в постсоветское время. Говоря о расцвете «научпопа» в послереволюционный период, автор упоминает о ««плохой генетике» этого жанра в России» [6, с. 38]. Если подходить к интерпретации жанра с научно-технической точки зрения, то российская традиция, действительно, не идёт ни в какое сравнение с акцентированной в книге немецкой историей. Если же включить в трактовку жанра гуманитарную составляющую, принципиально не разводив научную популяризацию и просветительство (что чрезвычайно характерно для российской почвы и отвечает глубинным механизмам русской культуры), то картина окажется совсем иной.

Установка на объединение естественно-научной и гуманитарной тематики маркирует отечественную традицию научно-популярной прессы, выделяя её на общем фоне аналогичной западной практики. Возьмём для примера один из самых популярных в дореволюционный период журналов – «Вестник знания» В. Битнера. «Вестник знания» был возобновлён в 1922 г. и выходил в издательстве «П.П. Сойкин», его редакторами были сначала В.М. Бехтерев, а затем – историк С.Ф. Платонов, создатель советской исторической периодики. Редакторство двух этих выдающихся учёных отражает общий подход, свойственный советскому времени, когда пропаганда знаний вменялась в обязанность самим учёным. Остановимся на основе выборочного принципа на одном из номеров «Вестника знания» середины 1920-х годов. Обращает внимание жанрово-тематическое разнообразие журнала, унаследованное от предшествующей эпохи. Наиболее актуальная научно-общественная проблематика нашла отражение в таких статьях, как: «Новые опыты омоложения в СССР» (д-р Л.М. Василевский), «Сексуальность и преступность» (д-р мед. Л.Я. Якобзон) Гуманитарный компонент представлен главным образом статьёй критика А.А. Рашковской, известной своим оппонированием формалистам, – «Новейшие искания в современной литературе». С этого времени типовым в научно-популярном сегменте

становится краеведческий отдел (в данном случае – «По родному краю»), равно как и обзоры прессы (здесь – «Новое в печати»). Международный научный контекст, представленный в сенсационном ключе, сосредоточен в завершающей журнал рубрике – «Со всех концов света». В неё входят такие заметки, как: «Мировые рекорды 1925 года», «Спирт из желудей», «Курьёзы календаря», «Самая культурная страна в мире» (ею, к слову, стала канадская провинция Онтарио, где на 3 миллиона жителей приходилось 460 публичных библиотек) (ВЗ). Для сравнения, во французском журнале под знаковым для отечественной традиции названием «Наука и жизнь» (“*La Science et la Vie*” (SV)) того же времени и из той же типологической группы научно-популярных изданий гуманитарная составляющая отсутствует вовсе. При этом журнал носит в достаточной степени специализированный (технический) характер, а его установка на массово-специализированную аудиторию достигается посредством развитого иллюстративного ряда и обилия рекламы.

Двадцатые годы XX в. также стали временем передовой гуманитарной науки, развивавшейся по авангардному сценарию. Её выдвижение явилось прямым следствием формирования научных парадигм начала XX в. На рубеже XIX – XX вв. настоящий расцвет «научпопа» был непосредственно вызван кризисом позитивистской, естественнонаучной, рациональной картины мира и переходом к религиозно-мистическому мировоззрению. О культуросозидающем значении такой трансформации писал ещё крупнейший русский религиозный философ Н.А. Бердяев [8]. Передовая гуманитарная наука входит в публичную сферу главным образом посредством литературной прессы и в меньшей степени – через специализированные научные издания. Период доминирования в системе прессы первой половины 20-х годов альманахов (что коррелирует с аналогичным периодом XIX в.) объясняется не только историко-журналистским и социокультурным фактом, но и пассионарным скачком гуманитарного знания, а точнее – филологии. Некоторые концептуальные положения считающейся новаторской более поздней науковедческой теории Т. Куна о смене научных парадигм [9] были заложены ещё в трудах русских формалистов. Революционно-авангардный контекст конца 10-х – начала 20-х годов повлиял на представления о непозитивистском, нелинейном характере эволюции, высказанные применительно к логике развития литературного ряда Ю.Н. Тыняновым [10], который также являлся автором критических статей об альманахах 20-х годов. Именно альманахи можно считать важнейшим каналом популяризации гуманитарного знания. На основе нашего исследования истории российских альманахов [11] мы можем сформулировать приёмы адаптации знания для широкой аудитории, характерные для литературно-художественных альманахов 20-х годов, следующим образом. Прослеживается отчётливая тенденция к концептуализации и проблематизации научных статей, а также обособлению самого научно-популярного отдела (замещающего доминирующий в начале века отдел критики), состоящего по преимуществу из «статей и материалов» историко-литературного характера.

В 20-е годы «учёный» отдел предстаёт наиболее репрезентативным в трёх выпусках альманаха «Литературная мысль» (ЛМА), изданного кооперативным издательством «Мысль» тиражом 2000 экз. Он включал историко-литературные

и собственно теоретические статьи¹, непосредственно посвящённые или же косвенно связанные с проблемами общей поэтики², либо освещающие более частные вопросы – текстологии, плодотворности применения статистического метода в стиховедении³. При этом описание конкретного материала производится на основе отчётливо выраженных методологических установок: с точки зрения культурно-исторического (С. Аскольдов, М. Беляев), психологического (Б. Ларин, С. Любимов)⁴ подходов. «Неорганичность “Литературной мысли” как альманаха очевидна, – отмечал в рецензии на второй том данного сборника Ю.Н. Тынянов. – Она распадается на два отдела, ничего общего между собою не имеющих: беллетристический и научный – историко- и теоретико-литературный» [11, с. 139]. В соответствии с оценкой Ю.Н. Тынянова, «главный интерес альманаха – не в беллетристике, откровенно слабой (за исключением свежего рассказа Леонова) или случайно подобранной, а во втором отделе, представляющем собою нечто вроде органа... “антиформалистов”...» [12, с. 139]. В рамках данного, отдельно взятого отдела принцип альманашной открытости и идеологической свободы реализует себя через то отмеченное Ю.Н. Тыняновым обстоятельство, что в нём «особняком стоит статья Б. Томашевского “Проблема стихотворного ритма”, освещающая и расширяющая понятие ритма» [12, с. 141].

Необходимо отметить активное проникновение популярной науки в информационно-пропагандистское пространство советской прессы как таковой: отделы науки и техники постепенно становятся фактически обязательными в разных редакциях. Общий процесс специализации и дифференциации прессы нашёл воплощение и в специализации научного отдела альманахов, призванных популяризировать достижения советской науки в целом. Например, во втором томе литературно-художественного и научно-популярного, иллюстрированного альманаха «Возрождение» который вышел в кооперативном издательстве «Время», в финальной части основного, литературно-художественного и научно-популярного отдела была опубликована заметка «Радио-кино» (ВЛХНПИА). В вдвоенном номере альманаха «Начало» помещался «научно-популярный отдел», состоящий из заметок двух профессоров, посвящённых вопросам физики (НЛХНППА, с. 106–111). Последний большой издательский проект, инициированный Горьким, приуроченный к очередной годовщине революции и отражавший процесс сакрализации этого события в мифологизированной советской истории, начинался с альманаха «Год шестнадцатый». В частности, там была опубликована на волне успеха советской генетики в 20-е – начале 30-х годов (до наступления лысенковщины) статья академика А.Д. Сперанского «Об эксперименте

¹ Так, открывали третью часть сборника 1925 г. статьи С. Аскольдова «Форма и содержание в искусстве слова» и В. Виноградова «Жюль Жанен и Гоголь». В этом томе «исследования» были отделены от историко-литературных «воспоминаний и материалов», а в двух первых номерах они непосредственно сменяли смешанный отдел, где доминировали стихи, что автоматически подключало альманашную практику их выдвижения (завершали два первых выпуска 1922 и 1923 гг. «Литературная хроника» и «Письмо в редакцию»).

² Томашевский Б. Проблема стихотворного ритма (в оглавлении статья названа «Проблемы ритма») (ЛМА, кн. 2, с. 124–140); Виноградов В. О символике А. Ахматовой (Отрывки из работы по символике поэтической речи) (ЛМА, кн. 1, с. 91–139).

³ См. соседние статьи А. Горнфельда «Художественное слово и научная цифра (Критические заметки)» и Б. Томашевского «Новое о Пушкине» (ЛМА, кн. 1, с. 163–187).

⁴ В этом отношении особенно показательна заметка С. Любимова под знаковым заглавием: «Ф.М. Достоевский (К вопросу о его происхождении)» (ЛМА, кн. 1, с. 208–210).

и экспериментаторе». Её предварял характерный редакционный комментарий, призывающий к научной дискуссии: «Редакция полагает, что статья проф. Сперанского представляет интерес, далеко выходящий за пределы той или иной специальности. Оговаривая дискуссионность ряда моментов, редакция надеется обеспечить обсуждение положений т. Сперанского на страницах альманаха» (ГШАП, с. 451). Однако публичная научная дискуссия принимала в 30-е годы всё более имитационный характер, выполняла роль разоблачительных кампаний.

Таким образом, на коротком историческом отрезке революционное переустройство общества актуализирует смену парадигм и «проекты будущего». В долгосрочной перспективе успехи многих отраслей советской науки (не только космонавтики, но и на определённом этапе одной из наиболее авторитетных в мире советской филологической школы) обеспечивались как поддержкой государства, так и специфическим действием механизмов научной преемственности.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-03-50128).

Источники

- VЗ – Вестник знания. – Л.: П.П. Сойкин, 1925. – № 21–22.
- ВЛХНПИА – *Тихонов Н.* Радио-кино // Возрождение. Лит.-худож. и науч.-попул., ил. альманах / Под ред. П. Ярославцева. – М.: Время, 1923. – Т. 2. – С. 355–365.
- ГШАП – Год шестнадцатый: Альманах первый. – М.: Совет. лит., 1933. – 482 с.
- З – *Зоценко М.* Собрание сочинений: в 3 т. – Л.: Худож. лит., 1987. – Т. 3. – 720 с.
- ЛМА – Литературная мысль. Альманах. – Пг.: Мысль, 1922. – Кн. 1. – 256 с.; 1923. – Кн. 2. – 248 с.; 1925. – Кн. 3. – 392 с.
- НЛХНППА – Начало: Лит.-худож., науч.-попул. и публицист. альманах. – Иваново-Вознесенск: Губполитпросвет, 1922. – № 2–3.
- П – *Платонов А.П.* Публицистика. – М.: Книга по Требованию, 2011. – 38 с.
- Т – *Тимирязев К.А.* Наука и демократия: сб. ст., 1904–1919 г. – М.: Гос. изд-во, 1920. – 478 с.
- ТСОПЗВМ – Три стенограммы обсуждения повести М. Зощенко «Возвращённая молодость» (1934 г.) / Публ. Т.М. Вахитовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 г. / Отв. ред. Т.С. Царькова. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2013. – 1136 с.
- SV – La Science et la Vie. – Paris: Imp. Hénerly, 1929. – № 144. – 522 p.

Литература

1. *Белый А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания: в 3 т. – М.: Худож. лит., 1989. – Т. 1. – 543 с.
2. *Разгон Л.Э.* Зримое знание: О книгах К.А. Тимирязева и А.Е. Ферсмана. – М.: Книга, 1983. – 254 с.
3. *Лихачев Д.С.* Воспоминания. – СПб.: Logos, 1995. – 519 с.
4. *Кошелев А.И.* Кружок архивных юношей // Литературные салоны и кружки: Первая половина XIX века / Под ред. Н.Л. Бродского. – М.: Аграф, 2001. – 496 с.

5. *Померанц Г.С.* Записки гадкого утёнка. – М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2013. – 464 с.
6. *Ваганов А.Г.* Спираль жанра: От «народной науки» до развлекательного бизнеса. История и перспективы популяризации науки в России. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 224 с.
7. *Толстой И.Н.* Курсив эпохи: Литературные заметки. – СПб.: Пушкинский фонд, 1993. – 203 с.
8. *Бердяев Н.А.* Философия свободы. – М.: АСТ, 2005. – 333 с.
9. *Кун Т.* Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
10. *Тынянов Ю.Н.* Литературный факт // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – С. 255–270.
11. *Балашова Ю.Б.* Эволюция и поэтика литературного альманаха как издания переходного типа. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. – 363 с.
12. *Тынянов Ю.Н.* «Литературная мысль». Альманах II // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – С. 139–141.

Поступила в редакцию
14.05.18

Балашова Юлия Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории журналистики

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., д. 7–9, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия
E-mail: j.balashova@spbu.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2018, vol. 160, no. 4, pp. 838–849

Scientific Communications of the 1920s: Development Factors

Yu.B. Balashova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, 199034 Russia
E-mail: j.balashova@spbu.ru

Received May 14, 2018

Abstract

The paper discusses the external and internal environment of science development in the 1920s. In this period, science, on the one hand, maintained continuity with respect to the pre-revolutionary paradigm and, on the other hand, it developed according to the avant-garde scenario. Science constituted a characteristic topic of the era. The channels of science mediatization included various institutional and non-institutional associations, press, and fiction literature. Thomas Kuhn, the famous science historian, identified several signs of the scientific revolutions. First of all, in scientific revolutions, the analogy with biological evolution is broken. Then, the conceptual discrepancy between different disciplines increases, and specialization grows. From the indicated principles, the scientific revolution in Russia – as well as in developed societies as a whole – happened at the turn of the 19th and 20th centuries. That is, social revolution does not automatically lead to irreversible upheavals in other areas. On the contrary, in the long run, the successes of many branches of the Soviet science (not only cosmonautics, but also at a certain stage of one of the most authoritative in the world, Soviet philological schools) were provided

both by state support and by the specific action of the mechanisms of scientific continuity. The revolutionary reorganization of Russian society, disastrous for the country as a whole, was, nevertheless, accompanied by the original development of science communication.

Keywords: science communications, history of popular science journalism and scientific societies, science and society

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 16-03-50128).

References

1. Belyi A. *Na rubezhe dvukh stoletii. Vospominaniya* [At the Turn of Two Centuries. Memoirs]. Vol. 1. Moscow, Khudozh. Lit., 1989. 543 p. (In Russian)
2. Razgon L.E. *Zrimoe znanie: O knigakh K.A. Timiryazeva i A.E. Fersmana* [Visual Knowledge: On K.A. Timiryazev and A.E. Fersman's Books]. Moscow, Kniga, 1983. 254 p. (In Russian)
3. Likhachev D.S. *Vospominaniya* [Memoirs]. St. Petersburg: Logos, 1995. 519 p. (In Russian)
4. Koshelev A.I. A team of the archival young men. In: N.L. Brodskii (Ed.) *Literaturnye salony i kruzhki: Pervaya polovina XIX veka* [Literary Salons and Groups: The First Half of the 19th Century]. Moscow, Agraf, 2001. 496 p. (In Russian)
5. Pomerants G.S. *Zapiski gadkogo utenka* [Ugly Duckling's Notes]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr Gumanit. Initsiativ, 2011. 464 p. (In Russian)
6. Vaganov A.G. *Spiral' zhanra: Ot "narodnoi nauki" do razvlekatel'nogo biznesa. Istoriya i perspektivy populyarizatsii nauki v Rossii* [Genre Spiral: From the "Popular Science" to Entertainment Business. History and Prospects of Science Popularization in Russia]. Moscow, LENAND, 2014. 224 p. (In Russian)
7. Tolstoy I. N. *Kursiv epokhi* [Elder of the Era: Literary Notes]. St. Petersburg, Pushkinskii Fond, 1993. 203 p. (In Russian)
8. Berdyaev N.A. *Filosofiya svobody* [Philosophy of Freedom]. Moscow, AST, 2004. 333 p. (In Russian)
9. Kuhn T.S. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago, Univ. of Chicago Press, 1962. 264 p.
10. Tynyanov Yu.N. Literary fact. In: Tynyanov Yu.N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of Literature. Cinema]. Moscow, Nauka, 1977. pp. 255–270. (In Russian)
11. Balashova Yu.B. *Evolyutsiya i poetika literaturnogo al'manakha kak izdaniya perekhodnogo tipa* [Evolution and Poetics of Literary Almanac as a Publication of Transitional Type]. St. Petersburg, Izd. St.-Petersb. Univ., 2011, 363 p. (In Russian)
12. Tynyanov Yu.N. "Literary thought". Almanac II. In: Tynyanov Yu.N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of Literature. Cinema]. Moscow, Nauka, 1977. pp. 139–141. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Балашова Ю.Б. Научные коммуникации 20-х годов XX века: факторы развития // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 4. – С. 838–849. ⟩

⟨ **For citation:** Balashova Yu.B. Scientific communications of the 1920s: Development factors. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 4, pp. 838–849. (In Russian) ⟩